

РУКОПИСЬ

Голая правда

Маск. новости. — 1998. — БРЕНТ. — С. 22.

Журнал «Дружба народов» планирует опубликовать новую книгу белорусской писательницы Светланы АЛЕКСИЕВИЧ «Чудный олень дивной охоты». Под вычурным названием из Александра Грина упрятана тема любви отнюдь не в платоническом ее проявлении.

венности готово лишь самое последнее, раскрепощенное поколение.

Я иногда думаю, что западную литературу читают так охотно и потому, что там больше правды о той стороне жизни, о которой у нас принято умалчивать. Разве в нашей литературе есть радость и язык тела? Это и в людях чувствуется: либо «розы и слезы», либо разговор грубый, матерный. Нет традиции всматривания в себя. Нет понимания ценности жизни, поэтому любовь воспринимается как землетрясение. Для нашего человека сильное чувство — всегда катастрофа. Для поколения, которому за 40 и даже за 30, «это» чаще всего не главное.

— Но как с вами, женщиной, об интимной стороне жизни говорят мужчины? В мужской компании принят совсем другой язык.

— Какие бы маски мы ни носили, какими сильными ни хотели бы казаться, есть вещи, которые мы в себе не осознали. Это даже не комплексы наши, это наша тайна. Когда находится понимающий собеседник, человек охотно вступает в разговор. Я не знаю, насколько могу пробиться в мужскую сущность. Когда куски еще не дописанной своей первой книги «У войны не женское лицо» я показала Алесю Адамовичу, он заметил: «Как хорошо, что не я написал эту книгу! Я бы не догадался спрашивать женщин о многих вещах». Так и я, возможно, не догадываюсь о многом спросить у мужчин. Но доверяюсь жизни и человеческой судьбе.

— Испытываете ли вы смущение, вторгаясь в интимный мир другого человека?

— Всегда испытываешь смущение, когда люди с тобой откровенны. Но все это очень приблизительно. Это входит в правила игры искусства с жизнью.

— Многих ли вы успели опросить?

— Я уже записала рассказы 200 человек. Над кни-

гой я работаю минимум три-четыре года и беседую как минимум с 500 мужчин и женщин.

— Кого вы предпочитаете для беседы?

— Чтобы книга сработала, я предпочитаю людей, которые воплощают то, что называется массовым сознанием. Если бы я выбирала, допустим, между Мережковским и простым парнем, то осталась бы на последнем. Чем в человеке меньше вторичного, литературного, тем это интереснее и дороже. Я беру разные возрасты, разные профессии, разные характеры. Из множественности рождается достоверность. Все трагедии нашей жизни показаны в книге через любовь. Скажем, из военной истории я извлекаю рассказ о девушке, которую заслали в гестапо, чтобы она помогала партизанам. В нее влюбляется немецкий офицер, они приходят в партизанский отряд, где их обоих расстреливают. Или 37-й год: семнадцатилетние юноша и девушка любят друг друга, еще не зная, что его отец расстрелял ее отца. Влюбленных ждут лагеря, мужской и женский. Увидеться они могут только на 20 минут в отхожем месте. И то — если подстрахуют за лагерную пайку и не сдадут.

— Новому поколению эти ужасы неизвестны.

— Да. Зато им ставится в вину аполитичность. Но эта аполитичность — возвращение к норме. Молодые люди просто хотят жить. Об этом нельзя было сказать вслух. Помню, в каком-то интервью я процитировала мальчика, признавшегося, что не хочет умирать, даже за родину. Некий отставной полковник позвонил мне, с яростью упрекая, что я клевету на нашу прекрасную молодежь, чему я ее учу? Но жизнь сама по себе трагична, чтобы понять это, совсем не обязательно пускаться себе пулю в лоб. Чего стоит справиться с самим собой, а уж если на твоём пути встречается другой человек... Как принять его, понять, удержать, быть счастливым и не

потерять — не это ли дело всей жизни? А потом появляется еще маленький, которому тоже нужно что-то объяснить об этом мире. Однако в нашей культуре разговора об этом нет, нас все больше занимают войны.

— Вы считаете, что мы живем в мирное время?

— Я думаю, что в наших умах еще продолжается гражданская война. Посмотрите, с какой готовностью люди начинают ненавидеть друг друга, как легко говорят о крови. С каким кровожадным блеском в глазах ораторствуют наши политики! И что у нас за политики!

Война не обязательно означает физическое уничтожение друг друга. Борьба за власть тоже война, она ведется у нас почти военными методами.

— Вас многие ненавидят? Спрашиваю потому, что ваши книги выходят в Москве, а не в Минске.

— В наших издательствах, и об этом все знают, царят посредственность и трусость.

— Посредственный человек и средний человек — не одно и то же?

— Нет, разумеется. Посредственный — это человек не на своем месте, он делает не свое дело, оттого мы так отстаем от всего мира. Что касается ненависти ко мне, достаточно почитать наши газеты. Но это тот риск, на который профессионал обречен. Если вы профессионал, то идете вразрез с массовым сознанием, если остаетесь у него на поводу, значит, занимаете не свое место. Грустно повторять, что мы имеем дело с зомбированным сознанием. В отдельности я очень люблю наших людей: ведь они прожили не свою жизнь, всегда во имя чего-то. Вы слышали, чтобы где-нибудь, кроме храма или религиозной секты, говорили о любви? К женщине, к другому человеку, а не к президенту? У нас человек один на один с хаосом, с развалом. А потом все удивляются: откуда Лукашенко, откуда Лебедь?

— Имеет ли писатель право исповедовать и судить простых смертных? Не впадает ли он при этом в гордыню?

— Я не претендую на роль священника. Вся наша жизнь — некие правила, какие-то обряды. Исповедь человека человеку — один из них. Я выведываю тайны не из корысти, не бросаю тень на собеседников. Я просто пытаюсь их понять.